

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА

Свеча Пастернака

Когда корреспондент «Правды» ехал на встречу с поэтом Андреем Вознесенским, он увидел на театральной тумбе белый плакат с черно-красной графикой: «Век Пастернака». Тут и лицо с пастернаковской фотографии, и распятие, и рассыпанные, как снег, парящие строфы... Поэзия и трагедия — на одном листе. А под обрезом плаката совершенно неожиданное авторство: «Художник А. Вознесенский». С этого вопроса и началась беседа с поэтом.

— «Век Пастернака» — нет ли здесь поэтической натяжки? Ведь какими только метафорами мы не окрещивали наше столетие — и веком атома, и веком компьютеров... В самом ли деле имя поэта соразмерно нескольким эпохам, на наших глазах пережитым человечеством?

— «Век Пастернака» — говорим мы сегодня. Наркоманы информации, чьи нервы обожжены политизованной и пестицидированной литературой, мы душой и разумом тянемся к чистому первозданному кристаллу его стиха, от суеты — к сущности.

Когда в прошлое воскресенье я шел в толпе под февральскими алыми лозунгами и трехцветными андреевскими стягами, и черными парусами анархии, мне казалось: это идет повторная съемка фильма «Доктор Живаго».

Когда телевизор набухает кровью наших собратьев, когда народ идет на народ и кровь с экранов сочится в кухни, слышится мольба поэта:

Если только можно,

Авва Отче,

Чашу эту мимо прonesи.

«Век Пастернака» — говорим мы. И Вацлав Гавел, сменивший тюремную камеру на президентский дворец, мог бы сказать:

Сказанья Чехии, Моравии...

Сорвавши плену

бесправия,

Цветами выйдут

из-под снега...

В нашей стране нация выражает свою судьбу через судьбу поэта. Так повелось с Пушкина.

— В умах многих Пушкин и Пастернак — явления противоположного порядка. Один, если хотите, ясен и общедоступен — с отроческих лет и до предсмертия. Другой — усложнен, филигранен и потому элитарен...

— Связь их — внутренняя. Не подражавший никому поэт лишь Пушкину написал «Подражательную». Он увидел в губах сфинкса не только пушкинские губы, но и свои. Он пушкининец не по декларациям, а по внутренней музыкальной стихии стиха. Вслушайтесь:

Скала и штурм.

Скала и плащ и шляпа.

Скала и — Пушкин.

Тот, кто и сейчас...

Это влюбленная бурная импрoвизация на тему:

Шипенье пенных бокалов

И пунша пламень голубой.

В плещущих смешивающихся «п» и «ш» прибор поэт расслышал имя Пушкина, зашифрованное гениальным предком в знаменитой строке.

Пушкиным нынче клянутся все, в его ревнители лезут даже дети адмирала Шишкова, Греча и Булгарина. «Грамотеет в шинели с наганом племя пушкинцев». Но о чем бы беседовали ревнители эти с поэтом, явись он к ним, русский гений с аравийской искрой в крови, в волнении переходящий на французский, что бы он прочитал им — «Медного всадника», «Вольтера», «Гавриилиаду»? О чем бы совещались они с ним? О литпостях? О процентном содержании крови?

Диалог Пастернака с Пушкиным — вечен. Случилось так, что

он стал духовным полюсом русской интеллигенции.

И как по-пушкински звучит его страсть, его очищающая эротика:

И жар соблазна

Вздыхал, как ангел,

два крыла

Крестообразно.

«Не дай бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Пастернак увидел. Помните ли вы сцену убийства солдатской толпой обратившегося к ней с речью романтического юношу Гинца, комиссара Временного правительства? «Люди... не терпелись многого за войну, огрубели и устали... заискивание слева и справа развратило эту толпу... расколаживала нерусская фамилия оратора и его острый выговор». Прекраснодушный оратор бежит. Его догоняют и пристреливают. Эта сцена имеет прототип в реальности — молодой Линде, комиссар, немецкого происхождения, интеллигент, которому посвящали прелестные стихи Мандельштам, был растерзан толпой.

Но как решена эта сцена в романе? Как в кино, смешно и страшно. Гинц вскакивает на пожарную кадку и обращает к приближающимся «несколько за душу хватающих слов, нечеловеческих и бессвязных...» И проваливается в кадку. Солдаты с хохотом застреливают и докалывают его.

Что закодировано в этой сцене? Смешной провал прекрасного Временного правительства, оторванного от почвы? Гибель интеллигенции? Сквозь эту сцену просвечивает и иное.

Помните притчу о Фалесе, отце древней философии? Фалес, искатель небесных тайн, разглядывая звезды, проваливается в колодезь. Юная фракиянка хохочет над чудачком. «Не может разглядеть, что у него под ногами, и воображает, что разглядит, что на небе...» Не случайно этой метафорой Лев Шестов открывает свою лучшую книгу «На весах Иова». «Здравый смысл» перевешивает чашу весов. «Улыбавшись веселый смех молодой девушки, он с ужасом подумал, что «правота на ее стороне», что действительно нужно смотреть себе под ноги даже тому, кого тревожат тайны неба».

Так философия, которой в юности занимался поэт, становится образом в романе. Без этого мы не поймем поэта, без его учителя Когена, без Гартмана, без Евангелиской проповеди, без марбургской школы, без Коссиера, с которым поэт обсуждал внутреннюю форму слова. Даже Скрябин привлекал его не только музыкой, но и закодированной в ней философией преображения действительности. Может, поэтому так необходим нам, обществу без философии, глубокий смысл поэта.

Не устаю повторять: «Если бы дремлющего в человеке зверя можно было остановить угрозою, все равно, катажалки или загробного воздаяния, высшею эмблемой человечества был бы цирковой укротитель с хлыстом,

а не жертвующий собой проповедник. Но в том-то и дело, что человека столетиями поднимала... не палка, а музыка: неотразимость безоружной истины...» Так он понимал Христа. Этим дышали и блаженный Августин, и А. Сахаров.

Позор для нашей культуры, что не отечественная академия, а шведская разглядела гений поэта.

В романе, первоначально называвшемся «Свеча горела...», поэт осветил гибель русской интеллигенции. До «Доктора Живаго» ни один роман в истории человечества не имел такого мирового резонанса. Самый аполиитичный поэт повлиял на ход мировой политики. Его издатель романтический миланский меценат Д. Д. Фельтринелли, собиратель коллекций Маркса и Ленина, был вынужден после скандала с «антисоветским» романом уйти из Итальянской компартии под нажимом Суслова и Хрущева. Он ушел влево, стал спонсором «красного терроризма». Как знать, не будь Пастернака, глядишь, мировое левое европейское, да и латиноамериканское движение пошло бы по другому пути. Привезенная только что в Москву на празднества переписка поэта с издателем наконец раскрывает доселе не известные читателям тайны публикации романа.

И все-таки для меня главное политическое значение Пастернака — его чистая поэзия. Поэт противопоставлял заполитизированному сознанию уход в себя, в индивидуальность, в поэзию как таковую. Токовую.

Это — круто

налившийся свист,

Это — щелканье

сдавленных льдинок,

Это — ночь,

леденящая лист,

Это — двух

соловьев поединок.

Поэт был чистой музыкальной совестью века. К нашему счастью, он не попал в ГУЛАГ. Он носил ГУЛАГ в себе.

Моя душа — скудельница...

Замученных живьем.

У него нет проходных строк. С презрением относился к дилетантизму, он прежде всего был Мастером. «Он ведь мастер, мастер?» — заискивая перед поэтом, сказал Сталин о Мандельштаме с завистью и суеверной боязнью.

Взявшие власть дилетанты пытались уничтожить загадку, касту Мастеров — шло раскрестянивание интеллигенции, раскультиривание культуры. Зодчих разодчили до компоновщиков панелей. В результате во всем мы имеем распад профессионализма. Наши мастеровые не могут повторить того, что век назад умели их прадеды. «Метрополь», ЦУМ и национальную гордость Третьяковку мы зовем восстанавливать финских, польских, турецких молодцов. Неужто наши строители не сумеют повторить то, что создавалось их полуграмотными предками? Это национальный срам.

Крепкий кристалл стихов Пастернака — укор и урок нам.

Сколько современных поэтов зажгли свои свечи от великой свечи Пастернака! Ни один из художников так магнитно не влиял на современников.

— Известно, Борис Леонидович был для вас мэтром. Как он относился к новым голосам? Вспомните какие-нибудь подробности.

— Я еще ребенком попал в его силовое поле. Сейчас, когда мой

возраст подходит к его возрасту той поры, когда мне довелось его встретить, понимаю ту властную бережность, которую он обратил и на меня. Моя судьба здесь интересна лишь как пример его отношения к «племени младому, незнакомому».

Наталья Анисимовна Пастернак, вдова его младшего сына Лени, ныне заведующая созданным наконец в таких муках музея поэта в подмосковном Переделкине, показала мне аккуратную стопочку бумаг, найденную в его письменном столе. На обложке надпись, сделанная его «журавлиным», по выражению Цветаевой, почерком: «Андрюшины стихи». Оказывается, он собирал и складывал в стопки мои детские опусы вместе с конвертами моих школьных писем. Волнуясь, я разбирал эти листки с его пометками на полях. Оказывается, он внимательно прочитывал всю мою белиберду — плохие строки перечеркнул карандашом, сносные пошлительно отчеркнуты сбоку. Великий поэт не был «наставником молодежи», он презирал слово «поколение», не чтя любую стадность. Он искал индивидуальность и радовался, если находил. Он исповедовал самосоздание мастера.

Ныне молодые «новой волны» отвергают легкие пути, уходят от газетности, уходят в сложную метафоричность, пытаются понять не мякину, а философию жизни.

В чем продолжение века Пастернака? В скорлупе открывающегося сегодня музея в Переделкине? В вогнутой чаше его профиля над мглой? В дуплах любимых им переделкинских лип? В непохожем продолжении его пути?

Отвечу своими только что написанными стихами.

Урны ставятся в ниши.

Книги ставятся в души.

Не застынь в эгобратстве.

Лучший том — не на полке.

Путь осилит идущий —

Пастернак в его пастве.

Элита нашей и мировой культуры соберется сегодня под распева колоколов в Большом театре на празднование столетия великого поэта. Артур Миллер, Курт Воннегут, В. Д. Смит, Б. Бертолуччи, Е. Эткдинг, Н. Коржавин сядут рядом с Б. Окуджавой, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, А. Кушнером... Немуудрено. Поэт первым ценой своей судьбы пробил железный занавес и соединил культуры. Всемирный союз интеллигенции — вот что может спасти нас от гибели.

Чем был уходящий век? Веком атомной бомбы? Веком тоталитаризма? Чудовищного геноцида и погромов? Всеобщего распада? Обнищания духом? Стирания личности? «Да», — скорбно вздохнем мы. И, просветлев, добавим: «Был и веком Пастернака».

ПОСТСКРИПТУМ

В ВИДЕ ПИСЬМА

Пастернаковский комитет в эти дни получил немало посланий. Вчера пришла телеграмма от заведующего Ф. Дюрренматта: «Восхищен личностью Бориса Пастернака, крупнейшего писателя России».

Последний живой член старшего клана семьи Пастернака 90-летняя Жозефина Пастернак, сестра поэта, с чьим именем связано название его лучшей книги «Сестра моя — жизнь», уви, тоже не смогла приехать из Оксфорда на торжества в честь ее брата.